

1 1 МАЯ 1973

г. Кострома

Газета №

ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ ДЛЯ ПОТОМКОВ...

ЧЕЛОВЕК еще далеко не старый, но уже вступивший в пору жизни, когда мудрая зрелость ума и чувств, воедино слившись с драгоценным опытом, дарит людям такие богатые, такие щедрые плоды, умным, пристальным, пытливым взором светлых глаз смотрит на невидимого собеседника. А собеседник не кто иной, как художник-передвижник Василий Григорьевич Перов, которому Александр Николаевич Островский позирует для портрета. Портрет написан в 1871 году, когда прославленному драматургу было всего 48 лет, и был он в расцвете сил и могучего таланта. Это была лучшая пора жизни Островского. Судьба подарила ему еще всего пятнадцать коротких лет, каждый день из которых будет драгоценен для потомков.

Теперь же, в 1871 году, Островский — на вершине славы. Он уже успел написать «Грозну» и «Горячее сердце» и готовит к постановке в Московском Малом театре «Лес». Портрет Островского — первый из серии портретов выдающихся деятелей русской культуры, написанных Перовым по заказу Павла Михайловича Третьякова для галерей. Такой заказ — большая честь для каждого русского художника, и это доверие необходимо оправдать.

Множество проблем возникло перед Перовым. В какой обстановке писать? В торжественной или домашней? Во что одеть? Как посадить? Перов знал, что Островский умеет и любит хорошо, со вкусом и к лицу одеться, но знал также и то, что, великий труженик, драматург большую часть своего времени проводит у письменного стола, одетый в просторную домашнюю, не стесняющую движений одежду, вот хотя бы в этот беличий халат, и художника словно осенило: ничего не надо, чем проще, тем лучше. Пусть будет беличий халат! Эта домашняя, ми-

лая простота в одежде так контрастно подчеркнет значительность всего облика Островского. Пусть писатель выйдет из своего кабинета, еще не остывший от рабочего вдохновения, еще весь во власти образов, вызванных из небытия порывом могучего воображения, и сядет в широкое, покойное

стул к общей характеристике образа.

Главное — глаза! Только доведенное до совершенства зрелое мастерство портретиста позволило Перову изобразить всю сложную гамму чувств,

150-летие со дня рождения А. Н. ОСТРОВСКОГО

кресло по-домашнему небрежно. Лучшей позы для портрета не придумать. Фон для фигуры сделать нейтральным, скромным коричнево-зеленым. Тона портрета будут отвечать сдержанному благородству образа.

Портрет написан именно так, как задуман художником. Когда Третьяков впервые увидел уже готовый, законченный портрет Островского, этот строгий критик живописи, взыскательный и тонкий ее знаток, забыв о своей обычной молчаливости и сдержанности, пришел в восторг.

Что же помогло Перову в работе над портретом Островского?

Островский не был для художника случайной моделью, незнакомцем, внутренний мир которого еще предстоит изучить. Горячий почитатель таланта писателя, Перов так же горячо и искренне симпатизировал Островскому как личности с выдающимися моральными качествами. Перова восхищали непримиримость Островского к темным сторонам неприглядной российской действительности, горячая любовь его к народу, доброта и душевное благородство. Качества эти как нельзя более отвечали мыслям и чувствам самого Перова. В натурах и характерах обоих было много общего, это роднило их.

Перов с любовью и великим уважением всматривался в облик драматурга, стараясь не упустить ни одной черточки, могущей добавить что-то суще-

отразившуюся в глазах Островского. Открытая благожелательность, ставшая привычной острая наблюдательность тонкого психолога, знатока человеческих душ и сосредоточенная углубленность взгляда, как бы обращенного внутрь себя, — все это предстояло выразить при помощи кисти. И Перов преуспел в этом полном громадного напряжения усилии. Глаза Островского, осветившие его типично русское открытое лицо с мягкими чертами, выражающими доброту и душевное благородство, полны жизни.

Как все люди творческой судьбы, дено и ночью пребывающие в плену своей идеи, своих мыслей, Островский, невольный хоть на час освободившись от магнетической власти своей творческой лаборатории, от рукописи, ждущей своего творца на письменном столе в тиши рабочего кабинета, и сюда, к мольберту художника, пришел еще полный глубокой творческой сосредоточенности. Отсюда эта углубленность взгляда.

Только человек, полный громадной внутренней энергии, не выносящий вынужденного безделья и вынужденной неподвижности, способен так нетерпеливо податься корпусом вперед, словно готовый подняться и только силой воли принуждающий себя оставаться в кресле.

Перов, как и Островский, обладал чудесным даром проникновения в человеческую душу и с радостью запечатлел на холсте этот характерный наклон вперед. Сделав фон скупым и нейтральным, художник тщательно выпisał одежду

своей модели. Не один год носил этот уютный халат, такой привычный для его обладателя. Вот и беличий опушка воротника поизносилась и слегка тронула мольбу. И эту, казалось бы, незначительную деталь не обошел своим вниманием художник.

Островский поместился в кресле так, словно он не уселся надолго, а лишь присел на короткое время. И руки его ежеминутно готовы подняться с колен, на которые легли.

Человеческие руки. Сколь велика их выразительность и как много могут они рассказать внимательному наблюдателю. Еще Флобер сказал, что можно выучиться делать непроницаемым лицо, но руки — нет. Они все расскажут о своем обладателе. Перов любил писать руки и умел это делать. Не жест, как, скажем, писали Карл Брюллов или Репин, а именно руки — в спокойном состоянии. Пружинисто-легко лежат небольшие крепкие руки на коленях у Островского.

Итак, портрет драматурга закончен, помещен в Третьяковскую галерею и предстал на суд зрителей. Обобщенность форм, строгая выразительность силуэта придают портрету монументальность. Это — наиболее верный по духу прижизненный портрет писателя. И не случайно много лет спустя скульптор Н. А. Андреев при создании памятника драматургу перед зданием Московского Малого театра — «Дома Островского» — шел от этого портрета Перова.

Все в том же беличем халате, с непокрытой головой, уже грузно, по-стариковски, Островский сидит в глубоком кресле с высокой спинкой, задумчиво и внимательно глядя перед собой. Надпись на постаменте короткая, но так много говорящая сердцу русского человека. Только одно слово: «Островскому».

Н. БЕЛЕВСКАЯ.